

Двор над головой был открытым, да и двором это место можно было назвать лишь с натяжкой — скорее, роскошный сад. Пока Сы Вэй шёл по тропинке, он то и дело замечал причудливые груды камней, журчащие ручьи под горбатыми мостиками, благоухающие цветы и изящные столики-консоли. Башня Весенней реки только называлась башней. На самом деле то просторное здание со сценой, которое он увидел вначале, было лишь преддверием этого великолепия — чем-то вроде парадного вестибюля, за которым скрывался настоящий лабиринт.

Не будь на входе массивных полуметровых дверей, не будь в главном зале сцены и расставленных перед ней круглых столов с табуретами, Сы Вэй легко принял бы эту усадьбу за поместье какого-нибудь знатного вельможи.

Проводница — маленькая служанка — шла торопливо. Шаги её были мелкими, но двигалась она на удивление быстро. Проведя Сы Вэя через несколько крытых галерей, она миновала извилистый Мост девяти поворотов, поднялась по ступеням из сизого сланца и резко остановилась. Повернувшись к гостю, она бросила:

— Впереди Павильон Туманов. Жди здесь. Я доложу сестрице Цинлу, и к тебе выйдут.

Сы Вэй послушно кивнул. Он остался ждать на каменном возвышении, служащем фундаментом здания, и принялся разглядывать Павильон Туманов.

Трёхэтажный павильон больше походил на изящный терем. От обычных построек его отличали резные балюстрады, опоясывавшие каждый ярус, и широкие узорчатые окна, выходившие на все четыре стороны. Подобных уединённых строений в этом изысканном саду было великое множество: Павильон у воды у самого Моста девяти поворотов, скрытый за бамбуковой рощей и диким камнем Кабинет Ясного света, а также Башня Созерцания луны, парившая над крытыми переходами подобно подвесному замку...

Сы Вэй невольно вспомнил их убогую мазанку, раскисающую от любого дождя грунтовую дорогу и покосившийся плетень. Он тихо вздохнул. По сравнению с его нынешним обиталищем это место меньше всего походило на публичный дом — скорее на легендарный сад Дагуань из «Сна в красном тереме». Раз уж в глухом уезде Цзю отгрохали столь роскошный вертеп, значит, деньги в этом мире водились в избытке. Просто он, Сы Вэй, до сих пор не сталкивался с истинной роскошью.

Из дверей Павильона Туманов показалась бойкая девчушка в сопровождении давешней служанки. На вид ей было лет одиннадцать-двенадцать. Тонкие светлые брови, круглый носик и круглые, как у оленёнка, глаза. Пухлые щёчки выдавали детскую незрелость, однако в тёмных, живых зрачках светился не по-детски цепкий ум. Было видно, что пальца ей в рот не клади.

Заметив Сы Вэя, она смерила его оценивающим взглядом и усмехнулась:

— О надо же, это ты?

Тут же повернувшись к сопровождающей, она махнула рукой:

— Ступай, я всё поняла. Будет время — заглядывай к нам в павильон на чашку чая, я приберегла сладостей от хозяйки.

Маленькая служанка обрадованно закивала и, оставив гостя, поспешила обратно к своим нескончаемым заботам.

Как только они остались наедине, дружелюбная улыбка мгновенно исчезла с лица Цинлу. Она была на целую голову выше Сы Вэя и теперь смотрела на него сверху вниз с нескрываемым холодом и подозрением:

— Вчерашних денег показалось мало? Или решила, раз моя госпожа добра душой, то её можно доить бесконечно? Нашлась тут сиротинушка несчастная!

Сы Вэй смолчал, а затем негромко кашлянул:

— Я пришла в Башню Весенней реки по двум делам. Во-первых, поблагодарить госпожу Цзиньли за вчерашнее спасение. Во-вторых — отплатить за доброту.

— Отплатить? — Цинлу презрительно фыркнула. — И чем же? Поможешь госпоже удержать богатых покровителей или завалишь нашу башню золотом?

Она сделала шаг вперёд, прищурившись:

— А может, вытащишь её из этого омута и найдёшь достойного мужа?

На лице Цинлу промелькнула тень досады.

— Ладно, забудь. На этом и закончим. Вчера тебя избил второй молодой господин из поместья Лю. Смелости тебе не занимать, но раз уж ты разузнал, кто он такой, должен понимать: эти люди тебе не по зубам.

Цинлу придвинулась вплотную, нависая над Сы Вэем:

— Моя госпожа милосердна, но не вздумай садиться ей на шею. Как ни крути, госпожа Цзиньли — признанная первая красавица Башни Весенней реки.

Пусть даже к этому званию теперь приходилось добавлять унылое слово «бывшая».

Она ткнула Сы Вэя пальцем в плечо, заставив его отступить на несколько шагов:

— В Башне Весенней реки умеют решать проблемы, уж поверь. И ты, сопливая девчонка, кем бы ни возомнила себя, сначала подумай: сдюжишь ли ты разговор с местными вышибалами?

Цинлу окончательно помрачнела от нетерпения:

— Жди здесь, я позову кого-нибудь, чтобы тебя вывели. Мала ещё по весёлым домам шастать. Если кто прознает, вовек замуж не возьмут, так и останешься вековухой.

Сы Вэй, который и в мыслях не держал жениться, лишь мысленно усмехнулся. Он вздохнул, выпрямился, мягко отвёл руку Цинлу от своего плеча и твёрдо произнёс:

— Про нравы Башни Весенней реки в уезде Цзю знает каждый встречный. Не будь у меня козыря в рукаве, я бы сюда не сунулась. На рожон лезть я не дура. Госпоже Цзиньли сейчас двадцать четыре года, а после Нового года минет двадцать пять... Я не могу удерживать её гостей и не завалю вас золотом. Но я знаю, как вернуть госпоже Цзиньли титул первой красавицы! Сделать так, чтобы её имя снова гремело по всему уезду, а Башня Весенней реки обрела свою главную гордость!

Цинлу ошеломлённо замерла. Она долго разглядывала стоящего перед ней ребёнка, словно пытаясь разглядеть в нём скрытую угрозу или безумие. Наконец она фыркнула:

— С чего ты взял, что тебе это под силу?

— Просто доверься мне, — отрезал Сы Вэй.

Заметив секундное колебание на лице служанки, Сы Вэй понял: слухи, которые он бережно собирал на уличных рынках, попали в самую точку. Нужно было дожимать.

— Терять вам всё равно нечего. Стоит попытаться, это лучше, чем сидеть сложа руки и ждать неизбежного, верно?

Цинлу промолчала. После недолгой борьбы со своими сомнениями она в упор посмотрела на него:

— Сама ведь сказала: не лезешь на рожон без козыря...

Сы Вэй не собирался сдавать назад:

— Мои методы работают. Дай мне шанс, и ты сама всё увидишь.

Цинлу немного подумала и кивнула:

— Ступай за мной. Я поговорю с госпожой, а там посмотрим.

Она повела Сы Вэя внутрь Павильона Туманов. Впрочем, далеко его не пустили: усадили на мягкий расшитый табурет у самого входа, прямо возле резной ширмы.

Сы Вэй проводил взглядом Цинлу, которая, аккуратно приподняв подол платья, зашуршала шёлковыми туфельками по деревянным ступеням лестницы. Лишь когда она скрылась на втором этаже, он смог выдохнуть. Половина дела была сделана, теперь всё зависело от решения госпожи Цзиньли.

Времена тогда стояли суровые, особенно для женщин. В его прежнем мире двадцать четыре года — это самый расцвет, время, когда вчерашние студентки только начинают делать первые шаги в карьере. Здесь же, где девочек выдавали замуж в двенадцать лет, а в тридцать уже нянчили внуков, двадцатичетырёхлетняя женщина считалась увядающей старухой.

Тем более в таком месте, где женская индустрия красоты была жестока, а красота ценилась лишь пока свежа кожа. Время безжалостно: после двадцати пяти лет лицо неизбежно начинает увядать, появляются первые морщины, и никакие дорогие притирания не способны полностью скрыть этот процесс.

В Башне Весенней реки никогда не было недостатка в красавицах. Всегда находился кто-то моложе, нежнее, невиннее и желаннее для искущённых мужчин. Именно поэтому былая слава Цзиньли таяла на глазах, а её положение в заведении становилось всё более шатким.

В Павильоне Туманов приятно пахло благовониями. Тяжёлая атласная портьера за спиной Сы Вэя мягко опустилась, отрезая холодный уличный воздух. Постепенно тепло начало разливаться по его телу, проникая до самых костей, и застывшие пальцы ног противно зазудели. Он крепче прижал ступни к плотному ковру, пытаясь умирить этот зуд лёгкой болью, и стал разглядывать убранство залы, чтобы хоть как-то отвлечься.

Комната бывшей примы была обставлена с исключительным вкусом. На полу лежал пушистый ковёр, на котором выстроилась изящная мебель для гостей. За резной деревянной перегородкой виднелись низкий столик для цитры, письменный прибор и прислонённая к стене пипа. Чуть дальше возвышались массивные книжные полки, уставленные аккуратными свитками и коробками с красками. С другой стороны залы, за круглым проёмом арки, приютился лаковый столик с вазой, в которой красовались свежие ветви сливы. На стенах висели свитки со стихами и пейзажами, а в глубине стояла широкая кушетка под парчовым покрывалом. На низком круглом столике перед ней лежала доска для игры в го с неоконченной партией.

Всюду колыхались тончайшие шёлковые занавеси, воздух наполнял аромат дорогих благовоний. Неподалёку маленькая служанка с волосами, уложенными в два аккуратных пучка, неторопливо протирала дорогу лаковую шкатулку с изящным позолоченным замочком. Смахнув невидимые пылинки, девочка вернула шкатулку на полку стеллажа и принялась за фарфоровую вазу, украшенную тонкой росписью с изображением пионов. Для

обитателей этого павильона подобные вещи явно были самой обычной будничной утварью.

Сы Вэй отвёл глаза. Признаться честно, ни в прошлой жизни, ни в этой он ещё не испытывал столь острого приступа зависти к чужому богатству. И ведь это было всего лишь жилище угасающей куртизанки в провинциальном борделе! От подобных мыслей на душе становилось как-то не по себе.

Пока он предавался размышлениям, на деревянных ступенях показались изящные туфельки, расшитые серебряным лотосом. Выше шёл подол струящейся двухцветной юбки... Лишь когда гостья спустилась полностью, Сы Вэй смог рассмотреть её во всей красе.

На ней было распашное платье, чьи рукава и ворот были оторочены нежным кроличьим пухом, а на плечи наброшена лёгкая меховая накидка — небрежно, без всяких завязок. Под стать наряду была и причёска: волосы, уложенные в свободный узел, слегка растрепались, и несколько прядей мягко падали на виски, придавая ей томный вид.

Сы Вэй уже видел её вчера, но сейчас у него снова перехватило дыхание. Тонкие, как ивовые листья, брови; влажные, затуманенные сном глаза, в уголках которых притаилась лёгкая пьянящая розовинка; аккуратный носик и бледные губы оттенка увядающего лотоса. В ушах покачивались жемчужные подвески, подчёркивая белизну кожи на фоне иссиня-чёрных волос.

Для бывшей примы Башни Весенней реки Цзиньли была бесспорно хороша собой, но всё же её красота не ослепляла с первого взгляда. По крайней мере для Сы Вэя, который в прошлой жизни насмотрелся на чудеса макияжа и фотошопа, в чертах её лица не было ничего сверхъестественного. Как фотограф, он повидал немало писанных красавиц.

И всё же Цзиньли была прекрасна. Но приковывало взгляд не лицо, а удивительное, ускользающее изящество её движений — мягкое и благородное, точно у куса яшмы, который веками шлифовали речные воды. Красота её была неброской, сокрытой глубоко внутри, но оттого лишь более притягательной.

Глядя на неё, Сы Вэй невольно вспомнил старую поговорку: истинная красота кроется в костях, а не в коже.